

ИСТИННОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЙ КАК ОСНОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРАНСФЕРА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

© Н. В. Мальчукова*

*Иркутский государственный университет,
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1.

В статье рассматривается проблема трансфера научного знания в контексте дискуссии реализм–конструктивизм. Обосновывается продуктивность методологии конструктивного реализма. Истинность высказываний рассматривается как одно из базисных оснований эффективности трансфера научного знания. Выявляется значимость корреспондентной и прагматической концепций истины в осуществлении гуманистически ориентированной коммуникации. Раскрывается специфика реализации истинностного отношения в рамках научной (естественнонаучной и гуманитарно-научной) коммуникации.

Ключевые слова: трансфер знания, конструктивный реализм, истина, эффективность языковой коммуникации, научная коммуникация.

TRUTH OF STATEMENTS AS FOUNDATION FOR EFFICIENCY OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE TRANSFER

N. Malchukova*

*Irkutsk State University,
1 Karl Marx Str., Irkutsk, Russian Federation, 664003.

The article considers the problem of scientific knowledge transfer in the context of realism–constructivism discussion. Productivity of the constructive realism methodology is proved. The truth of utterances is discussed as one of the main foundations for the efficiency of scientific knowledge transfer. Great emphasis is laid upon the importance of correspondence theory of truth and pragmatic concept of truth in realization of humanistic communication. The specificity of realization of truth relations in scientific (natural science and human science) communication is revealed.

Keywords: knowledge transfer, constructive realism, truth, efficiency of language communication, communication, scientific communication.

Наука, как известно, для своего воспроизводства и развития требует особой подготовки познающего субъекта, в процессе которой он усваивает научные знания и ценности, получает представление о научной методологии и приобретает навыки научного исследования. В настоящее время весьма актуальными являются проблемы интенсификации данного процесса и поиски путей, позволяющие повысить его эффективность. Решение этих проблем, как совершенно справедливо подчеркивал основоположник научной педагогики в России К.Д. Ушинский [1], невозможно без понимания того, что представляет собой познающий субъект, каковы его базисно важные характеристики. Выработка же такого понимания требует обращения к спектру дисциплин, предметом изучения которых является человек: антропологии, психологии, философии. Последняя вносит своей вклад в формирование педагогической методологии, в частности, за счет анализа структу-

ры познающего субъекта и обоснования представлений о его познавательных возможностях. В современной философии разные варианты такого анализа и обоснования, оказывающие свое влияние на педагогическую практику, формируются в рамках дискуссии реализм–конструктивизм, которая в таком случае требует особого внимания.

Исторически формирование конструктивизма связано с четким выделением категорий субъекта и объекта познания, произведенным в философии Нового времени, и смещением акцента в процессе познания с познаваемого объекта на специфику познающего субъекта, содержащегося, в частности, в философии И. Канта. Продуктивность конструктивистской установки, таким образом, оказалась связанной с обоснованием активности познающего субъекта, в результате чего познаваемый объект предстал как конструкт, продуцируемый сознательной деятельностью

субъекта. В этом случае конструктивизм стал действительной альтернативой наивному (натуралистическому) реализму, в рамках которого познаваемый объект выступал зеркальным отпечатком в сознании субъекта, и позволил в дальнейшем в рамках педагогической практики обосновать необходимость учета соответствия методов и способов обучения особенностями обучаемого субъекта.

Дальнейшее же развитие конструктивизма, реализующееся в рамках позитивизма, феноменологии, философского постмодернизма, привело к своеобразной абсолютизации релятивизма и агностицизма, что далеко не самым положительным образом сказывается на учебно-образовательном процессе. Так, например, с одной стороны, подобная абсолютизация приводит к пренебрежению фундаментальным знанием, его обесцениванию, когда становится непонятным, зачем учиться и чему учить, если все предельно относительно и возможно равноправие любых конструкций. С другой стороны, такая абсолютизация приводит к теоретическому «стиранию» субъекта, например, в рамках постмодернизма, где субъект как творческая, автономная личность исчезает и предстает просто точкой пересечения разных текстов. В целом, такая теоретическая база обесмысливает практическую педагогику и делает крайне проблематичными основания научной деятельности.

Дело в том, что в соответствии с классическими представлениями одним из важнейших отличительных, критериальных признаков науки, позволяющих определить ее специфику и значимость в сравнении с другими сферами познавательной деятельности человека, является ее объективность в представлении познаваемого объекта. Другими словами, научное знание понимается как объективно-верное, истинное знание о существенных связях действительности.

В настоящее время, однако, такая характеристика научного знания подвергается серьезной критике, согласно которой либо деятельность ученого и развитие науки рассматриваются как движимые иррациональными факторами (М. Фуко, П. Фейерабенд), либо отвергаются любые формы данности объекта субъекту познания, и ме-

сто истинности знания занимает его эффективность, а наука рассматривается в качестве одной из форм языковой игры, где одни вербальные выражения порождают другие (радикальный конструктивизм). В результате фактически стирается демаркационная линия между наукой и другими сферами познавательной деятельности человека и становится довольно трудно определить ценностную значимость и смысл собственно научной деятельности. Думается, что возможности преодоления такого радикализма, необходимого для успешной реализации как научной деятельности, так и образовательного процесса, может обеспечить своеобразный синтез установок реализма и конструктивизма, который позволил бы соединить представления об активности познающего субъекта с представлениями о возможности воспроизводства субъектом в процессе познания действительных характеристик познаваемого объекта. На таком синтезе настаивает, в частности, В.А. Лекторский, отмечая продуктивность позиции конструктивного реализма [2, с. 37; 3]. Осуществимость подобного синтеза подтверждается так или иначе как самим развитием науки, так и научными данными. Например, с одной стороны, удовлетворительное объяснение смены научных парадигм, влиятельных научных теорий, основываясь на активности познающего субъекта, предполагает признание возможности воспроизводства субъектом в процессе познания действительных характеристик познаваемого объекта. С другой стороны, обращаясь к научным данным, свидетельствующим в пользу осуществимости такого синтеза, необходимо напомнить, например, ситуацию, связанную с теорией относительности А. Эйнштейна. Теория относительности подтвердила представления о том, что пространство и время являются всеобщими формами отношений между объектами и помимо этих объектов не существуют, и как следствие, опровергла конструктивистские представления И. Канта, считавшего пространство и время априорными формами чувственности.

Необходимо отметить, что синтетическая установка конструктивного реализма делает возможным конкретизацию такой отличительной характеристики науки, как истинность, а это, в свою очередь, от-

крывает пути поиска оснований эффективности трансфера (передачи и воспроизводства) научного знания, который невозможен вне процессов коммуникации.

Коммуникация, как известно, представляя собой обмен информацией между общающимися, требует понимания передаваемых сообщений. Показателями эффективной коммуникации, таким образом, являются быстрота и адекватность понимания сообщений и целых текстов. При этом сам процесс понимания в настоящее время рассматривается как многоуровневый, а понимание целей коммуникации – как центральный уровень, обуславливающий ее эффективность. Это дает возможность определять эффективность языковой коммуникации либо как адекватную замыслу интерпретацию смыслового содержания сообщений [4, с. 139], либо как степень реализации ее целевой установки, т. е. как отношение достигнутого результата к поставленной цели [5, с. 5]. Однако, в любом случае предельно общей основой понимания в коммуникационных процессах, как отмечал уже В. фон Гумбольдт, является общность знания и языка коммуникантов. Кроме того, такие зарубежные исследователи коммуникации, как Г. Грайс и Д. Вандервекен [6, с. 45; 7, с. 222–223], успех коммуникативного акта связывают с выполнением коммуникантами ряда требований, среди которых требование «Говорите правду!» имеет особое значение, так как по-разному проявляясь в разных сферах коммуникации, оно определяет, таким образом, их специфику.

Правда является обыденным выражением отношения истинности, особенно трактовки которого имеют существенное значение в организации коммуникационных стратегий. В современной философии одними из наиболее влиятельных концепций истины можно считать прагматическую и корреспондентную концепции. Эти концепции своими корнями уходят в античную философию: первая ведет свое начало от философствования софистов, а вторая – от Сократа и его учеников – Платона и Аристотеля. В рамках прагматической концепции (в традиции софистов) истина отождествляется с выгодой и утверждается ее абсолютно релятивный характер. Напротив, в рамках корреспондентной концеп-

ции, в целом не отрицающей важность практической значимости истины, истина определяется как знание, совпадающее с действительностью, и подчеркивается ее всеобщий и необходимый характер. Если поддерживать прагматическую концепцию истины, то получится, что достижение целей общения будет в широких масштабах допускать манипулирование сознанием человека, введение его в заблуждение с помощью языка. В рамках же корреспондентной концепции истина предстает как знание, максимально передающее действительные характеристики объекта, и приобретает статус всеобщности, т. е. известной независимости от личных устремлений и выгод субъекта. Истина здесь может рассматриваться как всеобщая выгода, так как знание действительных характеристик объекта совершенно необходимо как отдельному человеку, так и человечеству в целом для организации своей жизнедеятельности и адекватной ориентации в окружающем мире. Такое понимание истины исключает намеренное введение в заблуждение с помощью языка. Оно в гораздо большей степени, нежели понимание истины в прагматической концепции (в ее радикальном варианте), способствует развитию самостоятельного, критического мышления, дающего человеку возможность предусматривать последствия своих действий и глобальную опасность.

Разумеется, корреспондентность не может трактоваться в терминах наивного реализма, хотя в действительности длительное время развивающаяся в рамках цивилизации наука, ориентируясь на восприятие мира сквозь его «вещную» конструкцию, т. е. стремясь понять его как взаимосвязь разделенных в пространстве объектов, обосновывала достаточно жесткую трактовку корреспондентности воспроизведения знанием познаваемого объекта. Здесь следует сказать, что в любом случае математическое естествознание будет вынуждено следовать максимально точной корреспондентности знания, хотя условия ее обеспечения со второй половины XX в. кардинально изменились. Статистическая причинность, принципы относительности, неопределенности и дополнительного описания обратили научный дискурс к реальности процессов, событий, а не просто лока-

лизованных в пространстве вещей, свойства которых допускают предельно полное и, главное, однозначное описание. Эти условия не отменяют требования корреспондентности описания явлений, а обогащают и развивают сам принцип корреспондентности до способности восприятия парадоксальности реалий и событий, информационно-вероятностного возникновения тех или иных их состояний.

Таким образом, корреспондентная концепция истины имеет большее значение по сравнению с прагматической в плане реализации гуманистически ориентированной коммуникации. И если принимать во внимание, что естественно - и гуманитарно-научная языковая практика как в прошлом, так и в настоящем стремится реализовывать идеалы гуманизма, то становится ясным, что интерпретация истины с позиций корреспондентной концепции будет составлять основу требования говорить правду в этих сферах коммуникации. Однако вопрос в том, насколько оно однозначным будет для них.

По представлениям авторитетных исследователей нынешний уровень развития наук демонстрирует принципиальные моменты сходства естественнонаучного и гуманитарного знания и делает настоятельно необходимым применение методов естествознания в гуманитарной области [8; 9, с. 26; 10, с. 199]. Можно утверждать, что и истинность сама по себе в гуманитарных науках имеет ту же природу, что и истинность в естественно-техническом знании. И все же сравнение естественнонаучного и гуманитарного знания по поводу реализации в них отношения истинности не может иметь решения в пользу только чистого тождества или только чистого различия. На деле здесь имеет место как совпадение, так и различие, проявляющиеся при анализе истины и как процесса, и как результата.

Количественный параметр различия «результатирующей» истины в двух группах наук проявляется в том, что некоторое итоговое знание в социально-гуманитарных науках отличается существенно меньшей степенью вероятности, чем в случае естественнонаучной теории. Элемент же качественного различия можно отметить в процессуальной стороне достижения истины, а также в характере содержания истины

того и другого типа. Обратим внимание сначала на процессуальную сторону. В этом смысле чрезвычайно полезной оказывается фрегевская логико-семантическая традиция. Она позволяет увидеть общеязыковые основания естественно-технических и социально-гуманитарных дисциплин и одновременно осознать своеобразие механизма, структуры информационного процесса в каждой из них. Для этих групп наук общей является двойственная природа значения, если его оценивать с некоторых общих позиций, но структура информационного процесса, свойства информации (полученного значения, знания, существенно разнятся). С известной долей условности и огрубления процесс получения знания как в продуктивном, так и в репродуктивном (процесс обучения) планах в различных группах наук можно было бы представить идущим в направлении от денотата к смыслу и опять к денотату в естественно-технических науках и, напротив, от смысла к денотату и опять к смыслу в социогуманитарных науках.

Говоря иными словами, естественно-технические науки, имея смысл в качестве необходимого, но посредствующего момента получения информации, стремятся как бы преодолеть его и выйти на «чистую» референцию, т. е. на объективное и адекватное представление реальности, как она есть. Социокультурная практика и науки о ней действуют обратным образом. Здесь начальным и конечным звеньями информационного процесса являются смыслы, тогда как денотаты (референты) выступают посредствующим звеном образования и понимания смысла.

И хотя все большую продуктивность в гуманитарных исследованиях приобретают системно-структурный анализ, информационно-кибернетический подход, вероятностно-статистические методы, синергетика, ведущая роль здесь принадлежит герменевтическому анализу, семиотическим методам, теоретическим представлениям о модальностях, философскому мировоззрению и методологии. Это вполне понятно: гуманитарное знание должно дать истины, оправдывающие и укрепляющие духовную гомеостатику личности, общества, цивилизации. Других базисных средств решения этой задачи, кроме упомянутых – предельно

общих – просто не существует, хотя нельзя не ожидать обоснования новых.

Таким образом, социально-гуманитарное знание теоретизирует по поводу ценностно-смысловых аспектов жизнедеятельности человека, а также феноменов, включенных в эту жизнедеятельность, обосновывающих ее или препятствующих ей. Говоря иными словами, содержание истин социально-гуманитарного знания носит интенционально-коннотационный характер, тогда как содержание истин естественнонаучных – денотативно-экстенциональный. В отмеченных характеристиках методологии получения истин в гуманитарном знании, а также их содержания, заключено качественное отличие этих истин от истин естественнонаучных. Однако кардинальное свойство самой истины как специфического отношения, в том и другом типах знания, остается одним и тем же. Ведь истина есть семиотическое отношение, выражающее степень соответствия языковых построений со стороны их семантики к познаваемому объекту (отношение степени совпадения), и именно это отношение одинаково призвано отличать основные типы знания.

Если характеризовать научную коммуникацию и ее язык с позиции семиотического своеобразия, то следует иметь в виду, что гуманитарно-научная коммуникация, представляя собой осмысление социогуманитарной практики, обладает чертами семиотического с ней сходства, а именно синкретизмом используемых лингво-интеллектуальных средств. В то же время необходимо подчеркнуть, что мистико-мифологический, архетипически-мистический компонент используется здесь рефлексивно, зачастую подвергаясь специальному анализу. Такое использование этого компонента реализуют, в частности, психоаналитическое направление в психологии, антропология, религиоведение, языкознание и литературоведение, а также экономика и другие гуманитарные дисциплины. Естественнонаучная же коммуникация при этом характеризуется заниженными нормами реализации ценностного отношения и почти полным вытеснением мистико-мифологического компонента. Разумеется, язык естественнонаучной коммуникации своеобразно реализует принцип

гармонии (здесь работают принципы красоты, простоты теоретических построений), однако далеко не в универсальном порядке, поэтому он сам нуждается в гуманизации посредством контакта с искусством и философией.

Итак, выделение количественного и качественного аспектов истины в научном знании открывает возможности реинтерпретации классического представления о науке как объективно-верном, истинном знании, а значит, открывает возможности для преодоления релятивистского и субъективистского радикализма в определении специфики и смысла научной деятельности, так как позволяет:

1. Утверждать, что научное знание не дает абсолютных и исчерпывающих истин, а обеспечивает человека адекватным представлением о действительности в известных пределах и отношениях.

2. Осуществить более глубокое видение внутреннего качественного своеобразия научного знания разных типов, и, таким образом, понять его единство и различие с другими областями знания, а значит, избежать узурпации наукой возможностей истинного представления действительности. Здесь уместно обратиться к примерам гуманитарно-художественной практики, показательным в том отношении, что использование в них полного ряда (полной гаммы) знаково-символических средств – от мистико-мифологических (архетипических) до интеллектуально-дискурсивных, порою с включением научных реалий, – не только не мешает художественной истинности, но содействует ее достижению в максимально точном приближении. Это творческие достижения мировых классиков, таких как Э.Т.А. Гофман, Э.А. По, Н.В. Гоголь, Ф. Кафка, Ф. Дюрренматт, С. Лем, М. Булгаков, Стругацкие и др. Истина здесь не денотативна, а выступает в форме морально-идеологических принципов и концепций, т. е. систем истолкования гуманитарно-гуманистических феноменов.

3. Более содержательно рассматривать принцип когерентности как связанности, выводимости знания, не абсолютизируя его (в отличие от радикального конструктивизма). Ведь в данном случае становится очевидно, что так или иначе, выражая требование соответствия, он представ-

ляет своеобразный срез принципа корреспондентности.

Таким образом, следует учитывать, что радикализация как установок реализма, способствующая догматизации знания и педагогики, так и установок конструктивизма не отвечает потребностям образовательного процесса. И в том, и в другом случае она фактически приводит к уничтоже-

нию субъекта и стагнации познания. Поддержка и развитие синтетических устремлений в развитии методологии реализма и конструктивизма способны повысить адекватность реального педагогического процесса, в котором в таком случае органично будут сочетаться продуктивные и репродуктивные методики обучения.

Библиографический список

1. Ушинский К.Д. Педагогическая антропология // Педагогические сочинения: в 6 т. / сост. С.Ф. Егоров. М.: Педагогика, 1990. Т. 5. 528 с.
2. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 3–37.
3. Лекторский В.А. Познание и сознание: дискуссия анти-реализма и реализма в современной эпистемологии // Проблема сознания в философии и науке. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 54–74.
4. Гусев С.С. Проблема понимания в философии / С.С. Гусев, Г.А. Тульчинский. М.: Политиздат, 1985. 192 с.
5. Ножин Е.А. Мастерство устного выступления. М.: Политиздат, 1978. 254 с.
6. Вандервекен Д. Небуквальные речевые акты // Концептуализация и смысл. Новосибирск: Наука. Сиб. отд. 1990. С. 31–61.
7. Грайс Г. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 217–238.
8. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. 230 с.
9. Лефевр В.А. От психофизики к моделированию души // Вопросы философии. 1990. № 7. С. 20–32.
10. Моисеев Н.Н. Как далеко до завтрашнего дня. Свободные размышления: 1917-1993. М.: АО Аспект-Пресс, 1994. 302 с.

Мальчукова Нина Валерьевна, доктор философских наук, доцент, кафедра философии и методологии науки, отделение философии и теологии, исторический факультет Иркутский государственный университет, e-mail: ninamalchukova@mail.ru

Malchukova Nina Valerievna, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of Department of Philosophy and Science Methodology, Department of Philosophy and Theology, Faculty of History, Irkutsk State University, e-mail: ninamalchukova@mail.ru